

Пометы, в основном справочного характера, также помогали Вольтеру использовать привлекавшие его внимание отрывки. В «Каталоге большинства французских писателей» он привел обобщающую, уничижительную характеристику: «Левассор — ораторианец, изгнанный в Англию. Его „Истории Людовика XIII“, распяленная, тяжеловесная и сатирическая, была изысканной лишь в некоторых частных фактах, которые там имеются; но он лишь гнусный декламатор, пытающийся в „Истории Людовика XIII“ обесславить Людовика XIV, атакующий мертвых и живых; не ошибается он только в незначительных фактах, неправилен же во всех своих суждениях».⁵⁶ В предисловии к «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер дал не менее резкий отзыв: «Ораторианец Левассор и пезуит Ла Мотт, один блуждая по Англии, а другой — по Голландии, писали оба истории, чтобы заработать на хлеб; один избрал в качестве сатиры Людовика XIII, короля Франции, а другой своей мишенью выбрал Людовика XIV».⁵⁷

Общая, весьма характерная для Вольтера-историка, оценка истории Франции приведена в его «Дневниках»: «Жалкая Франция до Людовика XIV. Короли без власти до Людовика XI, Карл VIII и Людовик XII — несчастные завоеватели. Франциск I побежден, гражданские войны до Генриха IV, при Людовике XIII непрочность и заговоры».⁵⁸ Придавая большое значение деятельности отдельных исторических личностей, Вольтер здесь же заметил: «Если бы Генрих IV имел такого первого министра, как кардинал Ришелье, он был бы погублен, если бы у Людовика XIII не было бы кардинала Ришелье, его бы низложили».⁵⁹

Внимательно были подобраны и изучены Вольтером труды Ларре, Лимьера, Ребуле и многих других, посвященные истории правления Людовика XIV. В примечании 1730 г. к первой песне «Геприады» содержится одно из наиболее ранних упоминаний Вольтера об этом периоде истории: «Ларре следует той традиции в своей Истории Людовика XIV, истории, где стиль, правда и здравый смысл оказываются в равном пренебрежении».⁶⁰ В письме к д'Аржанталю Вольтер заметил: «Я очень опасаясь за Век Людовика XIV. Мне, возможно, не простят того, что сходит Ребуле, Ларре, Лимье, Ла Мартиньеру и другим. Достаточно ли быть или считаться историографом Франции, чтобы писать ее историю?».⁶¹ Четко сформулированные задачи, стоящие перед историками, в письме Вольтера к Дюбо: «У меня нет других мемуаров о всеобщей истории, кроме двух сотен известных всем напечатанных трудов. Речь идет лишь о том, чтобы создать весьма пропорциональное тело из всех разбросанных членов

⁵⁶ *Voltaire. Catalogue de la plupart des écrivains français. . .* P. 98.

⁵⁷ *Voltaire. Préface historique et critique à l'Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand // Oeuvres complètes. Paris, 1878. T. XVI. P. 388.*

⁵⁸ *Voltaire. Notebooks / Ed. by Th. Besterman. Genève, 1968. T. 1. P. 220.*

⁵⁹ *Ibid. T. 2. P. 562.*

⁶⁰ *Voltaire. La Henriade / Ed. critique par O. R. Taylor. Genève, 1970. P. 390.*

⁶¹ Best. D 4620. — Письмо от 14 декабря 1751 г.

и написать верными красками, обозначив одной чертой то, что Ларре, Ламьер, Ламберти, Руссель и другие фальсифицируют и разводят по многим томам».⁹¹

Изучение замечаний Вольтера на полях сочинений по истории Франции, сопоставление их с его высказываниями в произведениях и переписке несомненно представляют большой интерес для понимания его научно-исторического метода. В заметках на полях прочитанных исторических сочинений наглядно проявилось критическое отношение Вольтера к историкам, сообщившим множество (как ему казалось) ненужных и бесполезных молочей, приводившим ужасающее число массовых убийств, насильств, склонным к описанию чудес и небывалиц.

Обращение к исторической критике источников было одной из положительных черт Вольтера-историка. Выступая за историю как науку, основанную на точных источниках, Вольтер шел вразрез с господствовавшими взглядами и несомненно далеко опередил своих современников.

И. В. БИРЮЩЕНКО

ТРАКТАТ ЛЕНУАРА «ПОЛИЦИЯ ПАРИЖА»

Среди частных архивов бывших государственных деятелей России, выделяющихся обилием своих документальных материалов, привлекает внимание архив Воронцовых — обширное собрание разнообразных документов, плод собирательской деятельности ряда поколений Воронцовых. В этой коллекции ведущее место по праву принадлежит материалам, относящимся к событиям европейской истории второй половины XVIII — первой половины XIX в. Причиной тому — огромное документальное наследие наиболее видных представителей рода Воронцовых: Александра Романовича и Семёна Романовича. Занимавшие в конце XVIII в. высокие государственные посты братья А. Р. и С. Р. Воронцовы,¹ чья роль не ограничивалась лишь пассивным созерцанием происходящего в Европе, оставили после себя обширнейшую коллекцию документов, в которых в той или иной степени отразились грандиозные события Великой революции.

Часть документов (дипломатическая и личная переписка, различного рода депешы, донесения, записки) связана своим происхождением непосредственно со служебной деятельностью Воронцовых, это результат их активного участия, хотя и по другую сторону бар-

⁹¹ Ibid. 1042. — Письмо от 30 октября 1738 г.

¹ А. Р. Воронцов был президентом Коммерц-коллегии в 1773—1793 гг. и канцлером в 1802—1804 гг., а его брат С. Р. Воронцов — полномочным министром в Англии в 1784—1800, 1801—1806 гг.

рпикад, в европейских делах, имеющих отношение к революции. Другая часть (французские материалы, копии дипломатических документов, к происхождению которых Воронцовы не имели прямого отношения) возникла, по-видимому, из стремления Воронцовых быть в гуще происходящего в Европе, стремления к полной информированности о тех или иных сторонах развития международных отношений, самой Французской революции.

В данном случае нас интересуют французские материалы по истории Великой французской революции, составляющие довольно значительную часть Воронцовской коллекции.² К ним относятся как рукописные материалы (подлинники, копии), так и печатные (собрание памфлетов и брошюр эпохи революции). Исключительный характер некоторых материалов архива (особенно печатной ее части) определил устойчивый интерес к ним в исследовательской литературе.³

Привлечь внимание исследователей Великой французской революции к одному из источников рукописной части французских материалов Воронцовского собрания — таково назначение данной статьи.

Среди французских материалов по истории Великой французской революции, входящих в состав Воронцовского собрания, первостепенный интерес вызывает трактат «Police de Paris» («Полиция Парижа») Жана-Шарля-Пьера Ленуара (Le Noir), бывшего в течение продолжительного времени ротальником столичной полиции.

Ленуар родился в 1732 г. в парижской семье судейского чиновника. После окончания колледжа Луи-ле-Гран, а затем правового факультета Парижского университета Ленуар посвящает себя административной деятельности. Начинается его восхождение по ступеням иерархической лестницы французского королевства. Он был советником Шатлэ⁴ (1752 г.), помощником судьи по гражданским делам (1754 г.), королевским судьей по уголовным делам (1759 г.).

² В настоящее время наиболее крупные части коллекции Воронцовых по истории Великой французской революции хранятся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, ЦГАДА, библиотеке Одесского университета (книжная часть).

³ См.: Беркова П. П., Малеев А. П., Тонкова Р. М. Издания времени Великой французской революции в собраниях Одесской центральной научной библиотеки // Известия АН СССР. Сер. VII. 1935. № 6. С. 500—613; Малеев А. П. 1) Литература времени Великой французской революции в собраниях АН СССР // Там же. 1934. № 2. 4. С. 110—130, 260—280; 2) Publications de l'Époque révolutionnaire à l'Académie des sciences de l'URSS // La Révolution française. 1934. LXXXVII. N 4. P. 334—344; Platonov A. La collection Vorontzow // Annales historiques de la Révolution française. 1928. N 6. P. 541—550; Бондаренко П., Фельдман В. Библиотека Воронцовых в Одесском университете // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. X. С. 98—109. — См. также монографии, написанные по материалам библиотеки Воронцовых: Вайнштейн О. М. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789—1796). [Киев], 1924; Добролюбецкий К. П. Термидор: Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949.

⁴ Судебное учреждение в Париже, которое представляло на себя первую инстанцию по гражданским и уголовным делам.

В 1765 г. Лемуар становится докладчиком в Государственном совете, а в 1774 г. после ряда перестановок в управленческом аппарате, связанных со вступлением на престол Людовика XVI, он был направлен на смену Тюрго в Лимож в качестве интенданта. Но туда ему так и не суждено было приехать благодаря внезапному назначению на пост начальника парижской полиции. Такому продвижению он был обязан своему покровителю — Габриэлю Сартину, оставившему этот пост, чтобы возглавить морское министерство. В дальнейшем жизнь еще крепче связала этих двух людей, заставила затем разделить участь эмиграции. «Я с ним (Сартином. — Н. К.), — писал Лемуар. — был сближен врагами, как общими, так и личными. . . мятежниками, революционерами, фрондерами, заключенными Бастилии и недовольными — всеми неминуемыми врагами лейтенанта полиции».⁵ Конфликт с Тюрго повлек за собой отставку Лемуара в мае 1775 г. и временное отстранение от административных дел. Но отставка Тюрго в июне 1776 г. в свою очередь привела к восстановлению Лемуара в должности начальника парижской полиции, на которой он пробыл бессменно до августа 1785 г. Уход Лемуара с поста главы парижской полиции в 1785 г., по-видимому, был связан с обстоятельствами конфликта между министром Парижского департамента и королевского двора бароном де Бретей и генеральным контролером Шарлем Этьеном де Колоном, другом и сторонником которого был Лемуар.⁶ В предреволюционные годы Лемуар занимает пост советника в Генеральном совете, совмещая его с обязанностями президента финансовой комиссии и королевского библиотекаря.

Начавшаяся в 1789 г. революция, превратившая Париж в город «мятежи, центр преступления, место собрания злодеев»,⁷ и нависшая угроза расправы над бывшим шефом полиции⁸ сделали невозможным дальнейшее пребывание Лемуара в столице. В конце июля 1789 г. он эмигрировал в Швейцарию, где в 1790 г. принялся за написание своих мемуаров.

Трактат Лемуара «Полиция Парижа», хранящийся в архиве ЛОИИ СССР АН СССР, представлен тремя экземплярами хранения — тремя объемистыми рукописными томами, из которых, собственно, лемуаровским трактатом являются первые два, объединенные единым замыслом и содержанием.

⁵ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 46.

⁶ Некоторые сведения об обстоятельствах этого конфликта Лемуар сообщает в своем трактате.

⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 50 об.

⁸ «Страшные сцены заставляли еще вчера содрогаться почтенных и кротких жителей этой столицы. Тогда распространилась с м-е Фулонем и с м-е Сошви, интендантом Парижа. . . Велико число изгнанников, толпы называют их по всеуслышанию, и им предназначена та же участь. Слышали имена Лемуара, герцога де Шотле, маршала де Бройля, принца де Ламбек, барона де Бретей. . .» (Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792. Paris, 1866. T. 2. P. 373).

Три тома в одинаковом переплете; шалка более позднего времени. на внешней стороне верхней и нижней крышек переплета золотое тиснение герба графов Воронцовых (изображение щита, щитоносцев, короны над щитом и дешиз соответствуют описанию герба из «Общего гербовника»⁹⁾; корешок и наугольники кожаные, на корешке вытиснены золотом название «Police de Paris» и номер соответствующего тома; скоронись конца XVIII в., на французском языке.

Том I: ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, № 305/1263, F^o 137 л., 24×36. Разбивка текста на следующие главы:

Avant-propos.

- № 1. Religion.
- № 2. Discipline des mœurs.
- № 3. La Santé.
- № 4. Les Vivres.
- № 5. De la Voirie.
- № 6. La Sûreté.
- № 7. La Commerce.
- № 8. Sciences et arts libéraux.
- № 9. Manufactures et arts mécaniques.
- № 10. Serviteurs, domestiques.
- № 11. Mendicité, des pauvres.

После текстов в № 1 и 10 соответственно на л. 43 об. и 131 об. приписка: fin, после текстов в № 11 на л. 137 — fin du 11ème et dernier titre. Во всех главах собственная пагинация, в начале каждой главы дается краткое изложение ее содержания.

Том II: № 306/1138, F^o 100 л., 24×36. Название: Réflexions détachées (в предисловии: Considerations détachées). Разбивка текста на следующие главы:

Avertissement.

- № 1. De la charge de lieutenant général de Police de Paris.
- № 2. Du lieutenant général de Police de Paris.
- № 3. Des coopérateurs, commis, agents et préposés du lieutenant de Police.
- № 4. De la différence et de la distinction entre les habitans de Paris.
- № 5. De l'opinion publique et de la considération personnelle.
- № 6. De la liberté.
- № 7. De la Justice civile criminelle et de Police.
- [№ 8]. Réflexions détachées.
- [№ 9]. Abus et avantages de la Police.
- [№ 10]. De la Police dans ses rapports avec les familles et les particuliers.

⁹⁾ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г. СПб. Т. 1. № 28.

[№ 11]. Les dépenses ordinaires de la Police.

[№ 12]. De la Police de Paris dans ses rapports avec les pouvoirs administratif et judiciaire.

С № 8 по 12 вкл. нумерация глав отсутствует, в № 1, 2, 11 нет своей pagination. После текста в № 4 и 5 соответственно на л. 21 об. и 28 приписка: *fin*, после текста в № 8 — *fin* и *fait à Frau-on-feld le 4 May 1795*. На полях в № 12 указываются имена чиновников, о которых повествуется в данной главе.

Том III: № 307/1313, F^o 150 л., 21 × 33. Название: *Mémoire sur l'administration de la police. 1770*.

Этот мемуар представляет собой копию труда Ломера (Lemaire),¹⁰ ставшего своеобразным ориентиром в смысле структуры и тематики, которым руководствовался Лемуар при написании своего сочинения. Лемар написал свой мемуар для Иосифа II и Марии Терезии в 1776 г., в котором дал исчерпывающее описание организации и деятельности парижской полиции. Его труд предназначался в качестве руководства австрийским властям в организации их собственной полицейской системы.

Лемуар в предисловии к ломеровскому сочинению пишет: «Я представляю сначала мемуар, написанный в 1770 г. Мемуар был составлен под наблюдением м-е Сартина; копия с него была мне доставлена в 1790 г., будучи переписанной с подлинника, оставшегося в руках редактора. Это сочинение попросили некоторые европейские монархи, приехавшие в Париж. Они высказали французскому королю желание учредить такую же организацию полиции, какую они заметили в этой столице. Они получили этот мемуар как образец полезных инструкций для обеспечения спокойствия людей государства, подчиненных их власти. . .»¹¹

Разбивка рукописи по главам соответствует печатному тексту; рукопись дополнена шестью статьями, отсутствующими в печатном варианте:

- art. 2. *Marché aux veaux.*
- art. 3. *Police. Du Marché aux chevaux.*
- art. 4. *Moyens pour prévenir la Mendicité à Paris.*
- art. 5. *Secours pour les Blessés.*
- art. 6. *Nourices.*
- art. 7. *Mont de Piété.*

На полях л. 5 перед началом текста запись: *fait en 1770 présenté en 1771*. Перед art. 3 на л. 126 на полях запись: *Les articles qui suivent ont été ajoutés en 1781. Comme supplément, par M. le commissaire Le Maire, aux précédens par lui redigés en 1770.*

¹⁰ Сочинение Ломера было опубликовано Огюстеном Гавье в 1879 г. См.: *Lemaire J.-B.-Ch. La police de Paris en 1770 // Mémoires de la société de l'histoire de Paris et de l'Île-de-France. 1878, Paris, 1879. T. V. P. 1—131.*

¹¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 307, л. 2.

Предисловие на л. 2—3 и примечания на л. 141—150 написаны Лемуаром, после текста предисловия на л. 3 об. дата: 1795.

Текст мемуара, предисловие и примечания имеют каждый свою пагинацию.

Практически все стороны столичной жизни 80-х гг. XVIII в. в соответствии со сферами компетенции парижской полиции освещаются Лемуаром в его сочинении. Благодаря этому трактат выходит за узкие рамки истории административного аппарата, воссоздает широкую картину состояния самых разнообразных сторон парижского общества времен Людовика XVI. Отдельные лемуаровские размышления, содержащиеся во втором томе, но только интересны с точки зрения изучения организации и функционирования полицейского аппарата (функции и деятельность начальника полиции, взаимоотношения полиции с административной и судебной властью, с представителями различного положения и звания столичного общества, финансовые расходы полиции), но и представляют собой важный материал для исследования взглядов представителей правящих кругов предреволюционной Франции (о свободе, революции, старом государственном аппарате) и эволюции его самосознания.

Богатый фактическим материалом по истории предреволюционной Франции трактат Лемуара, как, впрочем, и сама персона шефа парижской полиции, уже на протяжении многих лет находится в поле зрения исследователей, в основном зарубежных,¹² использующих, кстати, другую редакцию Лемуаровского сочинения, хранящуюся в муниципальной библиотеке Орлеана. К сожалению, не представляется возможным составить целостное представление об этой редакции трактата в силу весьма немногочисленных сведений, приводимых зарубежными исследователями. По этим же сведениям невозможно определить, какой из двух списков основной, какой — дочерний, характер их различий, имеющиеся разночтения.

В. С. Люблинский, занимавшийся вопросами мучной войны во Франции 1775 гг., первый и пока единственный из советских ученых, придал этот источник к научному исследованию,¹³ в частности раз-

¹² *Lejeune G.* Les papiers de Lenoir // *Annales historiques de la Révolution française.* 1927. № 21. P. 300—301; *Sarrs M.* Le Noir, lieutenant de Police. Paris, 1948; *Vidier A.* Le Noir bibliothécaire du Roi 1784—1790, ses démêlés avec Carra // *Bulletin de l'histoire de Paris et de l'Île de France.* Paris, 1924. P. 1—13; *Chevalier P.* Les philosophes et le lieutenant de police Jean-Charles-Pierre Le Noir (1775—1785) // *French Studies.* 1963. XVII. P. 105—120; *Darnion R.* 1) Le lieutenant de Police J.-P. Le Noir, la guerre des farines et l'approvisionnement de Paris à la veille de la Révolution // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1969. T. XVI. P. 611—624; 2) The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris, 1774—1785 // *The English Historical Review.* 1970. Vol. LXXXV. № 336. P. 532—559.

¹³ *Liublinski V. S.* La guerre des Farines: contribution à l'histoire de la lutte des classes en France à la veille de la Révolution. Grenoble, 1979.

дела трактата, касающиеся продовольственного снабжения французской столицы.¹⁴

Если вопрос о происхождении орлеанского списка Лепуаровского трактата особых трудностей не вызывает («бумаги» были привезены во Францию Лепуаром, возвратившимся из эмиграции в 1802 г.¹⁵), то с Воронцовским списком дело обстоит сложнее. В самом деле, каким образом трактат Лепуара попал в Россию и отложился в архиве Воронцовых? Тем более что вгдет: ни в научных статьях, содержащих биографические справки о Лепуаре, ни в обширной справочной литературе, посвященной французской эмиграции, — мы не находим сведений о том, что этот начальник полиции в период своей эмиграции посетил бы Россию.

Эмиграционный этап жизни Лепуара не ограничивался одним местом пребывания: сначала Швейцария — небольшой поселок близ Ролля на юго-западе (1790 г.),¹⁶ Фрау-эп-фельд на северо-востоке (1795 г.),¹⁷ затем Австрия.¹⁸ Это «продвижение» на восток Европы могло бы закончиться обоснованием Лепуара в России, так как «во время его жительства в Австрии император России Павел I предложил ему поселиться в своем государстве, чтобы помочь ему (Павлу I. — Н. К.) своими советами».¹⁹ Возможно, Павел I (и наперняка не без помощи А. Р. Воронцова) хотел использовать Лепуара и как авторитета по делам организации полицейского управления, благоустройства и сыска в Петербурге. Не исключено, что эти переговоры велись Павлом I через русского посла в Вене князя А. К. Разумовского,²⁰ который, будучи в дружеских отношениях с А. Р. Воронцовым, мог также стать посредником и приобрести последние Лепуаровского сочинения.

Начавшиеся переговоры и желание Лепуара «посвятить императору 1—2 года своей жизни» были прерваны смертью Павла I, и м-р Лепуар возвратился на свою родину в 1802 г.²¹

¹⁴ В приложении к своей монографии В. С. Люблинский опубликовал четвертый раздел трактата: *Les vivres*. См.: *Liublinski V. S. La guerre des Farines*. P. 355—365.

¹⁵ Лепуар продолжал работать над своими мемуарами и во Франции, вероятно, намереваясь их опубликовать, что сделать ему так и не удалось. Он умер в 1807 г.

¹⁶ Архив кн. Воронцова. М., 1883. Т. XXVII. С. 202.

¹⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 51 об.

¹⁸ *Sarr M. Le Noir*. . . P. 275; *Biographie universelle, ancienne et moderne*. Paris. 1810. T. 24. P. 98; см. также: Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 41.

¹⁹ *Biographie universelle, ancienne et moderne*. P. 98.

²⁰ М. Сэр говорит о существовании как минимум трех писем на поручении Павла I и Лепуара (*Sarr M. Le Noir*. . . P. 275). К сожалению, местонахождение писем неизвестно. В Рукописном отделе ГИБ им. М. Е. Святыхова-Щедрина хранятся 12 писем и распоряжений Лепуара, датированных 1774 г., в составе документов Бастильского архива (РО ГИБ, Фр. Q.IV. 180; см. также: *Люблинская А. Д.* 1) Документы из Бастильского архива: Аннотированный каталог. Л., 1960. С. 70, 81, 115—117, 211—213; 2) Бастилия и ее архив // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 104—126).

²¹ *Biographie universelle, ancienne et moderne*. P. 98.

В. С. Люблинский в своей монографии выдвинул гипотезу о возможном пребывании Лемуара в Петербурге. В том, что бывший начальник парижской полиции оказался в России, по мнению исследователя, значительная роль А. Р. Воронцова, который через своего довольно близкого знакомого — швейцарца Леона Сожи²² — мог быть осведомлен о жизни Лемуара в эмиграции и, по-видимому, через него смог установить отношения с бывшим шефом полиции.

В письме к А. Р. Воронцову Л. Сожи писал: «Беседы его (Лемуара, — *И. К.*) приятны и поучительны, он живой словарь анекдотов, весьма любопытных; общество его было мне тем более приятно, что он никогда не задает другим вопросов, а сам с редкостной готовностью и с откровенностью (до крайней мере видимой) просто поразительной отвечает на все вопросы, которые ему задают, даже о делах, в которых и он сам играл важную роль. Он обходителен со всеми, ибо нуждается в защите даже в этой стране. Это человек небольшого роста, приятный лицом, с пронзительным взглядом глаз, искрящийся умом и, главное, хитростью. Он много мне рассказывал об истории пресловутого ожерелья и других интересных случаях своего времени, и я был восхищен искусством, с которым он находил извинения королеве, как бы даже вовсе не касаясь этого и при том вроде как бы с пленительным добродушием. Разговоры наши постоянно обращались к положению дел в нынешней Франции и к делам времен его управления, и не раз не замечалось, чтобы это ему было неприятно. Я навел его на тему о г. де Сегюре, после в Петербурге; он считает, что это человек, сделанный честолюбием, способный все принести в жертву этой своей господствующей страсти и притом — перворазрядный интриган, в настоящий момент связанный с Мирабо, с епископом Отинским и К^о; он считает его одним из тех, кто всего более приложил руку к интриге, которая велась против бывших французских министров. Г. Лемуар дал мне также ключ к разгадке обстоятельства, для меня прелюбопытного, а именно: кто был арестант, доставленный лет 6 или 7 тому назад летом в Петербург штатским агентом парижской полиции. . .

Образ жизни г. Лемуара обнаруживает, по-видимому, крайнюю ограниченность средств; у него лишь один слуга и одна прислуга за кухарку, он не держит лошадей, и никто у него не обедает; дом его невелик и обставлен скромно, а одежда его самая простая.

Он по-прежнему весьма привязан к г. Сартину, о котором прямо говорят, что он нищенствует. По слухам, он ему предложил жить

²² «Людовик (в России Лев) Сожи по семейным обстоятельствам принужден был искать счастья в России и был учителем в доме С. Г. Домашнева, директора нашей Академии наук. Безбородко принял его на государственную службу, сделал своим секретарем и даже поручил ему цифирную переписку на иностранных языках. В начале 1788 г. Сожи уехал домой в Швейцарию с русской пенсией в 300 р. Он был родственником нашего графа Рибоьера. При Павле Петровиче прекратились его сношения с Россиею; но, когда гр. А. Р. Воронцов сделался канцлером, Сожи получил все то, что ему не платили и царствование Павла. . . Сожи был близок с графом А. Р. Воронцовым и жил у него в доме, а летом на его даче в Мурине под Петербургом. . .» (Биографическая справка, написанная Н. Бартевым // Архив ки. Воронцова. Т. XXVII. С. 186).

с ним вместе и разделить с ним то немногое, что у него осталось, по г. Сартин пока на это не пошел».²³

В. С. Люблинский считал, что это письмо сыграло роль «первичной рекомендации» со стороны Сожи и «что, быть может, именно через его посредничество установилась сношения графа с бедствующим в настоящий момент бывшим начальником французской полиции, и они (сношения. — *Н. К.*) могли бы привести Лемуара в Петербург».²⁴

Гипотетический характер мнения Люблинского (он не приводит материалов, документально подтверждающих пребывание Лемуара в Петербурге, но удалось их обнаружить и нам) не исключает возможности того, что А. Р. Воронцовым либо через Сожи, либо через А. К. Рауменовского был получен экземпляр Лемуаровского сочинения.

Плапачение Лемуаровских мемуаров определялось не только чисто практической задачей, проходящей красной нитью через весь трактат и заключающейся в том, чтобы путем воссоздания картины деятельности полицейского аппарата французской столицы стать своеобразным руководством для организации аналогичных служб европейских государств,²⁵ но и сугубо личными соображениями. Не следует забывать, что «Полиция Парижа» писалась его автором в период беспощадной критики «старого порядка» во Франции, и в первую очередь посредством критики наиболее одиозных его представителей.²⁶ Стремление выглядеть со страниц мемуаров только лишь благородным и исполнительным чиновником, а не отвратительным бюстильским тираном, каким его изображали революционные памфлеты и журналы, — такова субъективная цель сочинения Лемуара, прослеживающаяся на протяжении всего повествования. Этим же объясняются отчасти структура трактата, круг поднятых и осужденных в нем вопросов.

Понятно поэтому стремление Лемуара к созданию не столько философского трактата, сколько сочинения, призванного наиболее точно обрисовать полномочия, сферу компетенции и деятельности парижской полиции, свои собственные функции как начальника полиции. Безусловно справедливо в этой связи утверждение Лефевра о том, что «настоящие бумаги более интересны с точки зрения административной, чем с точки зрения чисто исторической».²⁷ Но благодаря сообщаемому Лемуаром обильному фактическому материалу, вовсе не сводящемуся исключительно к сведениям об

²³ Письмо Л. Сожи к А. Р. Воронцову из Живерны от 11—13 января 1791 г. // Архив кн. Воронцова. Т. XXVII. С. 202. — Это единственный документ Воронцовского архива, в котором встречается имя Лемуара.

²⁴ *Lublinski V. S. La guerre des Girins. P. 353.*

²⁵ «Если некоторые из моих сочинений могут быть однажды полезны для переустройства приготовленной полиции по подобию старой, точное изображение которой и описанию, моя цель была бы достигнута» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 300, л. 51 об.).

²⁶ См.: *Sarr M. Le Noir. . . P. 254—263.*

²⁷ *Lefebvre G. Les parlers de Lenoir. P. 301.*

институтах «старого порядка» и его представителях,²⁹ можно представить себе состояние всего французского общества в предреволюционный период.

Что же интересного в сочинении Лепуара может найти историк, занимающийся проблемами развития Франции в предреволюционный десятилетие и в период самой революции? Небезынтересны сообщаемые Лепуаром сведения об узниках Бастилии и других тюрем, в частности о тех из них, которые впоследствии либо фигурировали, либо сыграли определенную роль во французской революции. Таково «справдливое и историческое краткое изложение» о Мирабо, Ланге, Лю Прево де Волон, Тавернье, Латюде и других (всего более 30 имен) — обо всех тех, «кого Революция, фанатизм и их защитники хотели сделать слишком знаменитыми».³⁰

Критерием отбора тех или иных лиц, заслуживающих пера Лепуара, служила их известность во Франции до и во время революции как жертв королевского деспотизма, как мучеников монархической несправедливости. Лепуаровское стремление к истине не свободное от субъективной оправдательной нагрузки. Сообщаемые им сведения касаются главным образом причин, а в теоретической части трактата механизма заключения узников (речь идет о знаменитых *lettres de cachet* — королевских указах о заточении без суда и следствия).

Раздел, посвященный Мирабо, повествует о том периоде жизни будущего видного деятеля Французской революции, когда он королевским *lettre de cachet* в 1777 г. был помещен в Венсенский замок (*donjon de Vincennes*).

Проведенные в заключении 42 месяца не прошли для Мирабо бесследно: вышедшие из него впечатления в какой-то мере нашли свое отражение на страницах такого знаменитого сочинения мыслителя, как «*Des lettres de cachet et des prisons d'Etat*» («Королевские указы о заточении без суда и следствия и государственные тюрьмы»), название которого часто встречается в Лепуаровском трактате.³¹

Но сообщаемые Лепуаром сведения касаются другой стороны дела. Находящемуся в Венсенском замке Мирабо, лишенному возможности каким-либо образом поддерживать связь со своей позлюбленной Софи де Рюффей, в замужестве маркизой де Моннье, казалось, улыбнулось счастье: начальник парижской полиции Лепуар разрешил ему вести переписку с Софи при условии, что письма будут

²⁹ Заключительный раздел второго тома посвящен отдельным государственными персонам, с которыми Лепуару приходилось иметь дело по долгу своей службы. Речь идет о Морена, Ману, де Сегюр, Тюрго, Сартри, Некьер, Колом, де Флори и др.

³⁰ Архив ЦОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 305, л. 95 об.

³¹ За время своего заключения Мирабо написал роман «*Ma conversion*» и составил сборник «*L'Egrotica biblion*». Но «Мирабо. — сообщал Лепуар, — не придавал большого значения всему тому, что он написал и составил в крепости, за исключением своего сочинения „*Des lettres de cachet et des prisons d'Etat*“» (Архив ЦОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 305, л. 106).

возвращаться в полицейское бюро. Таким образом, «все письма прошли через мои (Ленуара. — Н. К.) руки».³¹ Помещенные затем в архив парижской полиции, и место, казавшееся наиболее способным обеспечить их сохранность и неприкосновенность, эти письма, по словам Ленуара, были «похищены и опубликованы» Манюэлем.³²

В Ленуаровском трактате мы встречаемся также с рядом имен, сияющих XVIII и, слава *Siècle des Lumières* (века Просвещения). Речь идет о таких ярких именах, как Вольтер, Руссо, Дидро, Бомарше.

Входившие в сферу компетенции парижской полиции вопросы религии и нравов побуждали Ленуара к определенным действиям против тех, кто стремился поколебать «незыблемые основы» религии, официальная политика по отношению к которой определилась постулатом: «... во Франции могла существовать только одна религия...».³³ Но именно здесь королевская власть и ее учреждения встретили опасного и грозного противника в лице французских просветителей. Просветительская деятельность философов, призывавших власть к «сротерпимости», сводилась, по мнению Ленуара, к проповеди безбожия,³⁴ к попыткам разрушить религию — ту основу, без которой «ни одно правительство не может существовать».³⁵

Нет необходимости подробно останавливаться на вопросах взаимоотношений начальника полиции и «свободомыслящих» философов в силу того, что эта проблема уже получила свое отражение в исследовательской литературе.³⁶

Имея своей задачей обрисовать состояние и деятельность полиции по обеспечению общественного спокойствия и дальнейшему «совершенствованию законов и правды»³⁷ во времена правления Людовика XVI, Ленуар не мог не коснуться Великой революции, разгоравшейся на его глазах, пережившей полосу своего подъема и спада. Находясь в непосредственной близости от революционной Франции, он мог обстоятельно знакомиться с мероприятиями революционного правительства и тех или иных областях общественной жизни, сравнивать их с аналогичной деятельностью властей «старого порядка».

Как и многих из тех эмигрантов, которые в этот период времени действовали не столько шпагой, сколько пером, Ленуара волновал вопрос о причинах революции. На протяжении всего повествования Ленуар неоднократно касался этой темы. Нельзя сказать, что он предложил что-либо оригинальное в изложении взглядов на при-

³¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 305, л. 105.

³² *Lettres originales de Mirabeau, écrites au donjon de Vincennes pendant les années 1777, 78, 79 et 80 (recueillies par P. Manuel). Paris, 1792. T. 1—4.* — Здесь же опубликованы письма Марибо к Ленуару.

³³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 46 об.

³⁴ Там же, л. 40 об., 41.

³⁵ Там же, № 305, л. 7.

³⁶ *Chevalier P. Les philosophes...*

³⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 44.

чины революции, но отдельные его размышления заслуживают внимания.

Как и у большинства апологетически настроенных эмигрантов, его подход к оценке революции уже содержал в своей основе тезис, заранее отрицавший ее необходимость, историческую закономерность: «... согласно нашей старой и истинной конституции, во Франции могли быть только одна религия, только один король и только один подвластный народ, счастливый и покорный».³⁸

Но революция «длительная и беспримерная»³⁹ став исторической реальностью, заставила Леноуара задуматься над тем, что же вызвало к жизни столь мощное народное движение, разразившееся в тот момент, когда «ничто еще в 1789 г. не могло предвещать и в этом смысле предвидеть Великую революцию».⁴⁰

Революция, с одной стороны, по мнению Леноуара, была подготовлена многолетней деятельностью «сектантов» и «мнимых вольнодумцев», будораживших умы, «хулителей старого порядка», «распространявших свои некажениые правила».⁴¹ Все это дополнялось уже отмечавшейся выше деятельностью философов, пытавшихся под маской веротерпимости распространить антирелигиозные идеи, которые получили свое наибольшее распространение «среди некоторых представителей третьего сословия государства и особенно среди академиков и адвокатов».⁴²

Результатом этого явилось зарождение «революционного духа» во Франции, приведшее к тому, что уже «в первые месяцы заседания Генеральных Штатов большинство французов было революционным».⁴³

С другой стороны, попустительство властей, представленных «слабохарактерными служителями короля»⁴⁴ равнодушие хорошо осведомленного правительства к существованию центров восстания, дух которых был принесен в Париж большинством французов, участвовавших в волнениях и Американской войне,⁴⁵ «непостоянство министров» и отсутствие у них должной «твердости» при «молодом и добродушном короле»⁴⁶ создавали условия для быстрого распространения «духа революционности».

Просчеты и ошибки правительства в вопросах религии,⁴⁷ гражданских свобод, оставленные без внимания предостережения, полу-

³⁸ Там же, л. 46 об.

³⁹ Там же, л. 49.

⁴⁰ Там же, № 305, л. 14.

⁴¹ Там же, л. 40 об., 45.

⁴² Там же, л. 40 об.

⁴³ Там же, л. 44.

⁴⁴ Там же, л. 40 об.

⁴⁵ Цит. по статье: *Darnton R. The memoirs of Lenoir, lieutenant de police of Paris. 1774—1785. P. 536.*

⁴⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 45.

⁴⁷ «Правительство слишком смягчило строгость законов против протестантов и евреев, обольщаясь тем, что большая умеренность обеспечит большую гармонию и спокойствие» (Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 305, л. 14).

чения от парижской полиции,⁴⁴ но поколебали у Лануара уверенность в аппарате «старого порядка». Не случайно поэтому он пускается в пространные рассуждения о предвещающих «старого порядка», нередко сопровождаемых экскурсами в современное состояние французского общества.

Такие параллели помимо непосредственной дискредитации всего совершившего революцией должны были показать жизнеспособность старого государственного аппарата, подтвердить ту мысль, что «правление французского королевства было еще наилучшим из всех правительств»⁴⁵ и что «свобода нигде не была лучше гарантирована, чем во Франции, ни в каком другом месте, чем в Париже, каждой личности, которая уважала религию, трон и правосудие».⁴⁶

Неспособность увидеть в основе Великой революции социальный конфликт неминуемо приводила Лануара к сфере человеческой нравственности. Неимоверно возросшую социальную активность «толпы» в годы революции он объясняет распространением «духа злопамыстства» (*l'esprit de ressentiment*), который, существуя в каждом человеке, является свойством «низших по отношению к высшим», неотъемлемым атрибутом, «долей» всех «недовольных», не имеющих никаких прав, чтобы возвыситься».⁴⁷

Прозрительская философия, по мнению Лануара, повинна и в разращении человеческого сердца, именно она способствовала постепенному развитию в человеке таких «пристрастий», как «зависть, властолюбие, алчность, злоба, месть», наконец, она «открыла ристалище беспорядку перед Ассамблеей Генеральных Штатов».

Революция, «умножившая этот злобный дух», сделала его своим знаменем. В результате «именем народа» были возведены на эшафот король, члены королевской семьи, представители знати; «богохульство» и «злодейство» в руководстве, а «страх и оцепенение» в народе стали нормой жизни.

Но по воле судьбы сами «злодеи», пользовавшиеся плодами «духа злопамыстства», стали его жертвами: «Убийцы режутся между собой, они поочередно обвинители, судьи, палачи и казненные».

Лануара интересуют также проблемы нравственной ответственности революционеров за совершенное преступление царубийства, за злодеяния, повлекшие за собой сокращение численности населения королевства: «... кажется, выделяют среди царубийц якобинцев и умеренных, всех неразрывно связанных наибольшим на владений. Умеренные убили Робеспьера, но угрозы совести за совершенное преступление (убийство короля. — *Н. К.*) еще не задела никого из царубийцев».⁴⁸

При всем неприятии революции Лануар невольно признает ее грандиозность и величие, осознавая то влияние, которое она оказала

⁴⁴ Архив ЛОНИ СССР, ф. 36, оп. 1, № 306, л. 45.

⁴⁵ Там же, л. 44 об.

⁴⁶ Там же, л. 53.

⁴⁷ Там же, л. 45 об.

⁴⁸ Там же, л. 40 об., 45, 45 об., 46.

на всю Европу: «...предшествующие революции подготовили ту, которая поколебала самое прекрасное королевство и вызвала страшное потрясение во всей Европе».²³

Таким образом, перед нами типичный образец роялистского неприятия революции человеком, прошедшим школу «старого порядка», сохранившим и с годами упрочившим верность своим монархическим убеждениям. Роялистским оптимизмом веет от строк, написанных Лемуаром: «Но за варварскими временами непременно наступят времена менее ужасные, а затем времена счастливые».²⁴ Восстановление порядка и спокойствия во Франции он связывает с восстановлением монархии и «культы истинного бога»: «Французы восстановят непобедимыми и незримыми силами религию и монархию, отыщут краеугольные камни всех учреждений, востроенных правительством, единственным правительством, которое подобает Франции и ее древней и неизгладимой конституции».²⁵

Мы коснулись лишь некоторых аспектов изучения трактата Лемуара «Политика Парижа», попытались также наметить контуры для последующего, более тщательного исследования этого источника. Вовлечение в научный оборот Лемуаровского трактата, как нам кажется, закономерно, ибо объективность в изучении любого общественного явления, и в первую очередь такого, как революция, требует привлечения к научному исследованию всего того, что исходило из различных политических лагерей — как революционного, так и контрреволюционного.

Источниковедческое значение трактата не исчерпывается лишь характеристикой собственных взглядов Лемуара на Французскую революцию, так как в нем через призму мировоззрения высокопоставленного государственного чиновника (хорошо информированного по роду своей служебной деятельности) отразился весь сложный процесс развития предреволюционной Франции. Отсюда и многоплановый характер этого источника, отразившего историю государственного аппарата и отдельных его представителей, социально-психологическое состояние французского общества в целом накануне революции и субъективные взгляды автора по отдельным вопросам.

Безусловно, субъективизм Лемуара и оценке ряда общественных явлений, зависящий от классового мировоззрения, требует изучения трактата в сопоставлении с другими источниками. Это задача будущих исследований.

²³ Там же, № 305, л. 57 об.

²⁴ Там же, № 306, л. 46 об.

²⁵ Там же, л. 47.

И. С. ШАРБОБА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗДАНИЕ
ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ О РОССИИ.

(Из истории публикации тургеневских актов)

Как известно, «Правила для руководства Археографической комиссии», высочайше утвержденные 18 февраля 1837 г., предполагали «систематическое издание в свет источников по отечественной истории», в число которых входили «сочинения, составляющие славяно-русскую литературу, и акты государственно-юридические».¹ А между тем деятельность Археографической комиссии тесно связана с изданием иностранных источников о России, их разысканием и собиранием в архивах Италии, Франции, Англии, Швеции и других стран.²

Начало этому было положено опубликованием в 1841—1842 гг. «Historical Russiae Monumenta» — «Актов исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек Александром Ивановичем Тургеневым». В 1848 г. появилось «Дополнение» к этим актам. Большую часть последнего тома занимают дипломатические бумаги Антонио Поссевино 1581—1582 гг., полученные по многом при содействии того же А. И. Тургенева,³ но его имя отсутствует как на титульном листе, так и в предисловии.

На этой публикации остановимся подробнее. Во-первых, история издания тургеневского собрания показывает, как относилась к иностранным источникам о России (и определить их ценности и значения для отечественной истории) историческая наука первой половины XIX в. (тема актуальная и для нашего времени); во-вторых, подготовка к изданию тургеневских актов послужила как бы отправной точкой для собрания и опубликования других материалов на

¹ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1835—1840. СПб., 1885. Вып. первый. С. 534—535.

² Эта сторона деятельности лишь затронута в юбилейной статье А. И. Конаева «К 150-летию Археографической комиссии» (ВИД. Л., 1985. XVI. С. 332, 334).

³ Макроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 37—44.